

18+

Андрей Николаевич Иванов

Было... Не было...

Рассказы о юности...

Андрей Иванов

Было... Не было...
Рассказы о юности...

«Издательские решения»

Иванов А. Н.

Было... Не было... Рассказы о юности... / А. Н. Иванов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513821-7

Вторая книга о приключениях Андрейки и его друзей. Они выросли, но все так же постоянно попадают в забавные ситуации. Приключения продолжаются...

ISBN 978-5-00-513821-7

© Иванов А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Обычный день в середине лета...	6
Варёнка	11
Герой асфальта...	17
1	17
2	18
Гуковский козёл или Как забурить урок химии...	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Было... Не было... Рассказы о юности...

Андрей Николаевич Иванов

© Андрей Николаевич Иванов, 2021

ISBN 978-5-0051-3821-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обычный день в середине лета...

Солнце светит прямо в глаза. Натягиваю одеяло на голову, пытаюсь снова уснуть.

Жарко. Сбрасываю одеяло на пол, смотрю на часы.

Восемь часов утра! Давно я так рано не просыпался. Только на рыбалку. Но рыбалка – это совсем другое дело.

Лето. Жара. Каникулы. Позади восьмой класс.

Многие пацаны ушли из школы: кто – в бурсу, кто – в технарь.

Те, кто хочет ещё два года повалять дурака, остались в школе. Я в их числе.

Дома никого. Папа на работе, мама и сестренка в летнем лагере. Мама работает, Жанна отдыхает.

Понимаю, что больше не уснуть, встаю и босиком шлепаю в ванную.

Не зажигая свет, умываюсь, наскоро чищу зубы.

В холодильнике вчерашняя жареная картошка. Разогреть лень – отламываю кусок копчёной колбасы, ставлю на плиту чайник. Пока закипает вода, делаю бутерброд из колбасы и половины батона. Съедаю его, не дожидаясь кофе. Из второй половины батона и оставшейся колбасы делаю новый бутерброд. В это время закипает чайник.

Пью кофе, ем бутерброд, смотрю в окно. Вспоминаю, что сегодня воскресенье, переносю завтрак к телевизору.

Смотрю всё подряд: «Спортлото», потом какая-то передача о природе, далее «Будильник» (раньше, когда был малым, очень любил эту передачу, сейчас не люблю, но смотрю по привычке). «Служу Советскому Союзу» – эту передачу не люблю и не хочу смотреть. Ещё посмотрюсь – через три года в армию.

Иду на кухню, мою чашку, потом возвращаюсь, убираю звук на телевизоре и врубаю вертушку. Этим летом все слушают хэви-металл. Накупили пластинок "Крузиз" и «Черный Кофе», и крутят их целыми днями. Я тоже накупил и кручу.

Слушаю музыку и одновременно читаю книгу. Нам с папой, наконец удалось достать три книги про Следопыта или Зверобоя. Короче, про индейцев. Читаю вторую – «Последний из могикан».

«Служу Советскому Союзу» заканчивается, на экране появляется Юлия Белянчикова – ведущая передачи «Здоровье». Есть ещё полчаса до «Утренней почты», ставлю пласт «Модерна». Мама из Болгарии привезла две пластинки: третий и четвертый концерт. Таких нет ни у кого в городе. По крайней мере у нас на поселке.

Как раз успеваю дослушать предпоследнюю песню и вижу, что в телевизоре что-то рассказывает Юрий Николаев – начинается передача, которую больше всего ждёшь в воскресенье утром.

Магнитофон «Маяк» стоит наготове у телевизора, шнур подключен, добавляю звук, жду новых песен.

Сегодня слабенько: Ротару, Лещенко, Антонов, потом чуть веселее: Барыкин и Сандра. Эти песни у меня есть, поэтому ничего не записываю.

Дальше по телеку одна фигня: «Сельский час» и тому подобное. Выключаю телек, выхожу на улицу.

Можно поехать на велике на ставок. Неохота.

Иду к бабушке, она живёт рядом, беру с собой книгу про индейцев. Бабушка печет пирожки с тыквой. Сажу в беседке, читаю, жду.

Проходят соседи, здороваются, я тоже здороваюсь.

Мужики решили поиграть в домино. Садятся в беседке за длинный стол, громко разговаривают, иногда матом, перемешивают костяшки, разбирают, начинают стучать ими о стол. Внезапно появляется бутылка вина, пьют из горла, скрываясь от жен.

– Андрюха, будешь? – Валерка протягивает мне бутылку.

Когда Валерка пришел из армии, мне было семь лет. Он отрастил длинные волосы и усы. Стал похож на Боярского. Мне он очень нравился. Потом Валерка стал много пить, женился, стал пить вместе с женой, у них родилось пятеро детей. Волосы Валерка подстриг, усы сбрил, и на Боярского совсем не похож. Он мне теперь совсем не нравится.

– Не хочу, – отказываюсь я, не слишком уверенно.

– Ты чего, не мужик? – не отстаёт Валерка, – На, пей, пока бабка не видит!

– Валерка, отцепись от пацана! – приходит мне на помощь Колька, бывший папин одноклассник, – Тем более тут самим мало.

– Надо будет, ещё возьмём! – заявляет захмелевший Валерка, – У меня же в магазине Нинка работает уборщицей. Скажу, она без очереди возьмёт. Пей, Андрюха!

– Не хочу, – я закрываю книгу и иду есть горячие пирожки и пить холодный из подвала вишневый компот

– Может борща поешь? – спрашивает бабушка, – Вон, уже третий час, пора пообедать.

– Не хочу, ба! – я беру ещё пирожок и иду на поляну – так называется пустырь за бабушкиным домом, который жители превратили в детскую площадку.

Пацаны помладше гоняют мяч.

– Андрюха! – кричит мой друг Ромка, – Заходи, нас как раз меньше! Проигрываем!

– Не хочу! – отвечаю я и важно сажусь на лавочку в тени большого тополя. Жую пирожок и смотрю на поле.

Сегодня на мне новые кроссовки и новые джинсы. Все это вместе с пластинками и многими другими вещами привезла из Болгарии мама. Можно, конечно, сбежать домой переодеться, но неохота.

Подходят еще пацаны, здороваемся. Кто-то закуривает, предлагает мне. Я не курю, отказываюсь.

Игра заканчивается, игроки присоединяются к нам. Они мокрые от пота и грязные.

– Айда на ставок! Купаться! – бросает клич Генка, самый грязный из всех.

– Айда! Пошли!

Почти все игроки уходят.

Кто-то предложил поиграть в козла, никто не возражает.

Появляется замусоленная колода карт, где все карты помечены. Начинаем играть, мне не везёт, остаюсь козлом пять раз подряд. Надоело, ухожу.

Иду в парк, подхожу к афише, читаю: «В двенадцать часов придет босс» – детектив, 17—00, 19—00. Дискотека – 21—00.

Решаю, что детектив – это интересно, надо посмотреть. На электронных часах (тоже из Болгарии) – половина шестого. До начала сеанса ещё полтора часа. Иду к магазинам, выпиваю большой бокал холодного кваса за шесть копеек. Повезло, что никого нет, обычно приходится стоять в очереди.

Жарко. Подумав, беру ещё один большой бокал, пью медленно, наслаждаясь каждым глотком. Потом беру мороженое «пломбир» за двадцать копеек. Снимаю бумажный кружок и леплю его на бочку. С правой стороны бочка почти полностью обклеена этими кружочками.

Пытаюсь растянуть удовольствие и лизу мороженое языком, но потом откусываю сразу чуть ли не половину. От холода сводит зубы и перехватывает дыхание. Глотаю ледяной кусок, горло немеет. Я радуюсь, что меня не видят родители. Не думаю, что они бы это одобрили. С моей-то хронической ангиной. За минуту доедаю оставшееся мороженое, так вкуснее, чем лизать в час по чайной ложке.

Следом покупаю у бабули большой стакан семечек, высыпаю в карман джинсов.

Эта бабуля сидит здесь со своими семечками круглый год, в любую погоду.

Говорят, что она парит ноги в горячих семечках, а потом продает их. Я не верю этому, но руки после семечек всегда грязные. Поэтому я не шелкаю семечки зубами, только пальцами.

Возвращаюсь обратно к клубу. До сеанса чуть меньше часа. Потихоньку собираются люди.

На бетонной скамейке сидят два пацана. Они учились в школе года на три старше меня, сейчас учатся в бурсе. Говорят, что они – наркоманы. Я их немного знаю, подхожу, протягиваю руку. Наркоманы здороваются со мной. Потом один говорит:

– О, малой, дай семок!

Это при том, что я выше их обоих на полголовы.

Отсыпаю каждому по жмене семечек.

– От души, – как-то равнодушно говорит один из них.

– Малой, – оживляется второй, – а есть филки?

Я непонимающе смотрю на него.

– Ну, бабосы есть? – поясняет, он удивляясь моей непонятливости, – Мелочь есть?

Я шелкаю языком и с большим сожалением отрицательно качаю головой. В заднем кармане джинсов, застегнутом на железную молнию, лежат два бумажных рубля. Но это же не мелочь.

Стараясь, что бы они не видели, пробираюсь к кассе и покупаю билет на последний, шестнадцатый ряд. Выхожу на крыльцо.

– Малой, есть курить? – кричат мне наркоманы.

– Нет, не курю! – честно и радостно отвечаю я.

Подходит Димка. Мой друг и одноклассник. Он играет в клубном ансамбле на ионике, и поэтому его пускают в кино и на дискотеку бесплатно.

– Хороший фильм, не знаешь? – спрашиваю я Димку.

– Не знаю, – он морщит покрытый веснушками нос, – Мне по фигу, я же денег не плачу, просто делать нечего, посижу в кино, потом на дискач рвану. Может кого-нибудь зацеплю.

Я понимаю, что он больше бравивирует, и, наверное, сам не уверен в том, что кого-то зацепит.

Димка достает сигарету и прикуривает её. Затягивается, словно взрослый, и тут же захлёбывается в кашле. Лицо его так краснеет, что веснушки почти исчезают.

– И давно ты куришь? – спрашиваю я.

– Давно! – Димка бросает сигарету в урну и просит у меня семечек.

Я отсыпаю и ему. В кармане остаётся не больше половины стакана.

На входе стоит контролёр – баба Валя. Она отрывает контроль на моем билете, а Димке улыбается и кивает головой.

Мы входим в полутемный зал, пробираемся на последний ряд и занимаем места №17 и №18. Откидываемся в креслах и упираемся коленями в спинку передних кресел. Шелкаем семечки. Димка сплевывает шелуху на пол, я складываю на сиденье переднего кресла, чтобы после фильма забрать весь мусор в карман.

Людей мало – человек десять, не больше.

Входят наркоманы, у одного в руках бутылка с ситром. Они громко смеются, оглядывают зал.

– Только бы не к нам! – думаю я, – Фу, пронесло!

Наркоманы занимают два центральных кресла на втором ряду.

Гаснет свет, начинается фильм. Димка грызет семечки и с интересом наблюдает за происходящим на экране. Я никак не могу уловить смысл, фильм кажется мне скучным, я жалею, что потратил тридцать копеек на билет.

Наркоманы впереди ржут как кони. С грохотом прокатилась по наклонному полу пустая бутылка.

– Тише, ребята! – кричит баба Валя.

Смех стихает, но минуту спустя над вторым рядом поднимается сизое облачко табачного дыма.

Баба Валя встаёт со своего места, делает несколько шагов в глубь зала и громко кричит:

– Ребята, не курим! Сейчас фильм остановим!

После чего садится снова на своё место с чувством выполненного долга.

Над вторым рядом продолжают проплывать табачные облака.

Фильм совсем неинтересный, даром, что детектив.

Однако Димке, пожалуй, нравится. Он внимательно смотрит на экран.

Семечки закончились, я пытаюсь собрать шелуху, но нечаянно опрокидываю сиденье кресла, и весь мусор сыпется на пол. Честное слово, я не хотел.

Сам не замечаю, как засыпаю. Мне даже снится какой-то сон, только я никак не могу понять, о чем он.

Просыпаюсь от того, что в зале загорается свет.

– Идём скорее, – торопит меня Димка, – а то ещё убирать заставят. Вон какой свинарник!

Я смотрю на пол и ужасаюсь. Неужели от одного, пусть даже большого стакана семечек может получиться столько мусора? Действительно, чего доброго ещё заставят убирать, вот позору будет!

Мы быстро выходим из зала. Возле клуба много народу, через двадцать минут начнется дискотека.

– Классный кинчик, – говорит Димка, закуривая сигарету. На этот раз он уже почти не кашляет и выпускает дым как настоящий курильщик.

– Мне вот не очень понравился, – я пожимаю плечами, – второй раз бы не пошел.

– Классный кинчик! – повторяет Димка.

К нам подходит Лёха, тоже наш одноклассник. От него пахнет вином. Мы здороваемся.

– Мы тут бухнули с пацанами в парке, в кушерах. Есть ещё пузырь винища. Пойдем – врежем!

Я отказываюсь, Димка и Лёха смеются надо мной и уходят.

Почти стемнело. На летней танцплощадке играет музыка. Несколько тёток топчутся в центре. Им уже за двадцать, и мне они кажутся очень старыми.

Играет дежурный сборник, специально записанный для дискотеки: три-четыре быстрых песни, следом медляк. Снова быстрые, потом медляк.

Судя по тому, что крутят старьё, новых записей у местных диск-жокеев не появилось.

Кто-то сзади закрывает мне руками глаза.

Я резко сбрасываю руки и поворачиваюсь.

Ирка! Она живёт в соседнем доме и закончила школу, когда я был третьем классе. Ужас! Такая старая! Но красивая! На ней модный джинсовый сарафан. У нее загорелые ноги и руки.

– Андрюха! – кричит Ирка, – Привет!

Странно, столько радости, будто мы сто лет не виделись. А в пятницу, когда она сидела на лавочке с двумя мужиками, я проходил мимо и поздоровался с ней, Ирка едва кивнула в ответ.

Сегодня Ирка пьяная и очень мне рада. Она обнимает меня и пытается поцеловать в губы. Я отворачиваюсь.

– Это мой кавалер! – объявляет Ирка своим подругам, – он меня сегодня домой провожает! Правда, Андрюха?

Я молчу и представляю какое у меня сейчас глупое лицо. Чего доброго, и правда придется провожать. А потом? Она же старая! Лучше бы пошел бухать с Димкой и Лёхой.

Мои друзья тут же появляются, словно только и ждали, когда я про них вспомню.

Судя по всему, одним пузырем винища дело не закончилось.

Димка едва стоит на ногах и, если бы не поддержка Лёхи, давно бы упал.

Лёха держится молодцом, но видно, что он тоже в зюю.

Неожиданно Лёха на секунду отпускает Димку, тот делает несколько шагов и врзается в спину одного из наркоманов. Наркоман поворачивается и со всего маху бьёт Димку в лицо. Димка падает словно подкошенный. Из его носа течет тонкий ручеек крови.

Леха уже рядом, и одним коротким ударом отправляет наркомана в нокаут. На него сразу наваливается несколько человек. Я отталкиваю Ирку и спешу на помощь друзьям. Меня кто-то бьёт в челюсть, я бью кого-то в нос. Ирка громко визжит.

Драку быстро разняли. Сидим на бетонной лавочке у клуба. Димка не может понять – в чем дело? Мы с Лехой ощупываем ушибы. Вроде бы все нормально, ничего не сломано. Выхожу под фонарь – осматриваю одежду и обувь. На джинсах несколько маленьких темно-красных пятнышек. Чья-то кровь. Вытираю носовым платком, почти ничего не заметно. На одной кроссовке – царапина. Но небольшая, заметна если только приглядеться. Могло быть и хуже.

Дискотека заканчивается, мимо идут люди. Наркоман, который ударил Димку, и которого потом ударил Леха, подходит к нам. Я думаю, что он хочет дальнейших разборок, но наркоман извиняется перед Димкой и перед всеми нами. Его друзья стоят в стороне, к нам не подходят.

Мы все обнимаемся, извиняемся друг перед другом. Наркоман уходит.

– Ну что, – спрашивает Леха, – может ещё забухаем? Я знаю, где взять!

Димка молча разводит руками и кивает в знак согласия. Я отказываюсь.

Мимо проходит Ирка, я прячусь за спины друзей.

– Ирка! – окликает ее Леха, – Бухать будешь?

– А чего же не побухать с хорошими людьми, – отвечает Ирка.

Я ныряю в кусты и оттуда наблюдаю как Леха и Ирка подхватывают под руки Димку, потом уходят по темной аллее.

Я выбираюсь из кустов, иду домой. Немного болит челюсть.

Дома темно и тихо. Папа спит, ему завтра, а точнее, уже сегодня на работу в первую смену.

Осторожно, чтобы его не разбудить пробираюсь в свою комнату, не включая свет, раздеваюсь и забираюсь под одеяло.

Впереди ещё два месяца лета...

Варёнка

Дождливый вечер резко оборвал хмурый ноябрьский день и теперь лениво переползал в промозглую морозящую ночь.

Димка остался ночевать у меня, чтобы не шлепать домой по лужам. Мои родители не против, его тоже.

Мы заперлись в моей комнате и слушаем музыку.

Из динамика старенькой радиолы «Урал» с тихим потрескиванием играет «Модерн Токинг».

Настольная лампа с красным абажуром стоит на тумбочке возле кровати. Тут же лежит книга «Двенадцать стульев». Я перечитываю ее второй раз подряд.

Я, как хозяин, уступил Димке свою кровать, а для себя на полу соорудил ложе из подушек от софы.

Димка водит пальцем по терморегулятору лампы, от этого свет становится то ярче, то тусклее.

На стуле лежат мои новые джинсы «Horse shoes», привезенные мамой из Болгарии.

– А давай из твоих джинсов варенку сделаем? – вдруг предлагает Димка

– Давай лучше из твоих? – делаю я встречное предложение.

– У меня не джинсы, – морщит нос мой друг, – у меня техасы. Фигня – фигней. Из них и варенка стрёмная получится. Давай из твоих?

– Не, чего-то неохота, – вяло отнекиваюсь я

– Зря! – Димка свешивается с кровати и смотрит на меня, – Мне Валёк рассказал, как это сделать, ничего сложного. Хлорка, уксус и кипяток.

– Не хочу, – меня уже клонит в сон, и поэтому я хочу, чтобы Димка отстал от меня со своей глупой идеей сварить мои новые джинсы.

– Давай, сварим! – не отстаёт он, – Штаны выйдут отпад! Таких ни у кого на поселке не будет!

– Таких и так ни у кого нет, – зевая отвечаю я, – Все, гаси свет!

Димка обижено бьет пальцем по терморегулятору, свет гаснет.

Пластинка заканчивается, иголка, похрюкивая, трется о бумажный круг. Вставать лень, я дотягиваюсь рукой до провода и выдергиваю вилку из розетки.

– Ты все же подумай, – доносится сквозь сон Димкин голос.

Утром нас будит папа. У него сегодня выходной, и он возится на кухне. Готовит легкий завтрак: хлеб с маслом, копченая колбаса, кофе.

Точнее, папа будит лишь меня. Димка накрывает голову подушкой и что-то невнятно бормочет.

– Пусть еще поспит, – решаю я и плетусь умываться.

Спать хочется так, что кажется спал бы стоя, если бы разрешили.

Брызгаю в лицо холодной водой, выдавливаю немного пасты «Поморин» на зубную щетку. Паста жидкая, пока несущую щетку ко рту, она почти вся падает в раковину. Новую выдавливать лень, чищу зубы тем, что осталось.

Возвращаюсь в комнату, пытаюсь разбудить друга. Тот машет кулаками и матом говорит, куда мне надо пойти.

Это уже слишком! Резко стаскиваю его с кровати на пол.

Димка вскакивает, открывает глаза и растерянно озирается по сторонам. Долго разглядывает плакат с Арнольдом Шварценеггером, висящий на стене. Потом переводит взгляд на меня. Щурит глаза и морщит нос. Наконец, осознает кто он и где он.

- Запарил ты, – Димка натягивает носки, – Что нельзя было нормально разбудить?
- Так ведь будил! – оправдываюсь я.
- Значит, плохо будил!

Мы съедаем по два бутерброда, выпиваем кофе и идем в школу.

Димка сонный и неразговорчивый. По дороге он забегает домой, берет дипломат.

Я знаю, что там, в лучшем случае, одна общая тетрадка на все случаи жизни и ручка, которая скорей всего не пишет.

Так и есть: звенит звонок, первый урок алгебра – самостоятельная работа. Пишем в специальных тетрадках.

Димка пытается расписать свою ручку. Яростно трясет ее, откручивает колпачок, рассматривает стержень на свет, дует в него. Снова пытается писать. Ручка не пишет.

- А есть у когонибудь запасная ручка? – растерянно спрашивает он.

Все молчат. Даже те, у кого есть запасная ручка. Знают, что как только окончится урок, Димка сразу же забудет о ручке и о том, что ее нужно вернуть.

– Есть у кого-нибудь запасная ручка? – повторяет Димка, – Что, ни у кого нет? Дайте, пожалуйста!

Катька – самая сердобольная в классе, тяжело вздыхает и достает из пенала белую пластмассовую ручку с колпачком, похожим на патрон. Протягивает ручку Димке. Улыбается.

- Спасибо, – безразлично говорит Димка и принимается быстро что-то писать в тетрадке.

Димка очень умный и очень ленивый. Мог бы быть круглым отличником, а не вылезает из троечников. Домашнее задание делает в школе на переменах перед уроками. Если успевает.

Через пятнадцать минут сдает выполненное задание, и принимается рисовать в своей универсальной тетрадке.

Я никак не могу решить задачу.

- Дай какой-нибудь учебник! – шепчет он мне в ухо.

Стараясь не отвлекаться от задачи, протягиваю ему дипломат, вижу, что он вытаскивает учебник литературы.

Успеваю все решить перед самым звонком, не уверен, что правильно. Сдаю тетрадь.

Димка выходит из класса.

Учебник лежит на парте. Я листаю его и вижу, что из Гоголя мой друг сделал вполне приличного Д'Артаньяна со шляпой на голове, а Льву Толстому нарисовал круглые очки и длинные волосы, отчего классик отечественной литературы стал одновременно похож на престарелого хиппи и на кота Базилио.

- Где моя ручка? – Катька нависает над мной и уходит не собираясь.

– Я откуда знаю, где твоя ручка? – возмущаюсь я, – Ты ее мне давала? Нет! Какие ко мне вопросы?

Катька чуть не плачет. Я наклоняюсь и вижу, что ручка лежит на полу под столом. Поднимаю и отдаю ее хныкающей Катьке.

За все восемь с половиной лет, что я ее знаю, Катька ни капли не изменилась. Чуть что, сразу ревет.

Катька вырывает ручку у меня из рук и, не поблагодарив уходит.

Словно это я брал у нее эту ручку, а потом не отдал.

Вот так и делай людям добро!

Следующий урок – литература. Димка раскрывает мой учебник и, улыбаясь, показывает пальцем сначала на Гоголя – д'Артаньяна, затем на хипповатого Толстого. Я делаю вид что мне смешно, а в душе клянусь при первом удобном случае изрисовать ему все учебники.

Галина Антоновна, наш учитель литературы, что-то рассказывает о Пушкине. Я читаю «Двенадцать стульев», Димка ерзает на стуле без дела.

– Какой следующий урок? – спрашивает он, толкая меня кулаком в бок.

– Биология, – отвечаю, не отрываясь от чтения.

Димка лезет в свой дипломат и к моему удивлению достает учебник биологии.

– Что нам задали? – снова толкает меня кулаком в бок.

Я не отвечаю, продолжаю читать. Димка толкает кулаком в спину сидящую перед ним Катюку.

– Что по биологии задали? – шепотом спрашивает он, когда Катюка возмущенно тряхнув косичками поворачивается к нему.

Катюка заглядывает в свой дневник, который аккуратно лежит на краю стола и сообщает Димке номера параграфов, заданных на дом.

Он открывает учебник и углубляется в чтение, смешно шевеля при этом губами.

Через десять минут Димка снова начинает ерзать на стуле, перебирать ногами и в конце концов поднимает руку:

– Можно выйти? – спрашивает он Галину Антоновну, а мне сообщает, – На перемене стакан сметаны в буфете съел, зря, наверно. Несвежая скорей всего, чего-то живот крутит.

– Выходи уж! – разрешает учительница, и Димка под смешки одноклассников пулей вылетает из класса.

На парте лежит раскрытый учебник биологии. Такой шанс упускать нельзя.

В течении нескольких минут я пририсовываю скелету электрогитару и прическу как у Валерия Леонтьева, а из человекообразной обезьяны делаю вполне приличного эсесовца со шмайсером в одной руке и гранатой в другой. На руке у обезьяны красуется повязка со свастикой, на голове – каска с рогами.

Спешно ищу фотографию какого-нибудь ученого, чтобы сделать из него фюрера. Нет ничего проще этого. Надо просто нарисовать косую челку и под носом маленькие усики.

Не успеваю. Димка возвращается. Я показываю ему свои художества и смеюсь. Но моему другу почему-то не смешно.

– Запарил! – он вырывает учебник из моих рук и прячет его в дипломат.

После уроков, не спеша, идем домой. У Димкиного дома останавливаемся.

– Ну, что не надумал варенку сделать? – спрашивает Димка.

– Слушай! – я начинаю злиться, – Отстань от меня со своей варенкой! Купи себе джинсы и вари их сколько тебе влезет!

– Да ладно, все, больше не буду приставать! – примирительно говорит Димка, – Просто интересно попробовать. Вон Валёк говорит – ничего сложного.

– А чего же твой Валёк свои джинсы не сварит? – язвительно спрашиваю я, памятуя, что Димкин сосед десятиклассник Витек щеголяет в новеньких «левайсах» и, судя по всему, варить их не собирается.

– Он говорит, что продать их хочет, – Димка громко чихает, – Все, я пошел домой, а то уже, наверно простыл. Я вечером к тебе зайду, ладно?

– Заходи, – я продолжаю свой путь домой в одиночестве. Размышляю по дороге о том, на чем бы потренироваться в изготовлении варенки.

Возле двора стоит машина, значит, папа куда то ездил. Может на Украину за колбасой и вкусными тортами «Прага»?

Хорошо если так.

– Па! – кричу прямо с порога, – Ты куда ездил?

– На шахту, за спецовкой.

На стуле стопка одежды: белые рубашка, кальсоны, темно серые штаны и куртка.

– Все не было времени получить, – папа берет штаны в руки и рассматривает, – Вот материал, сносу не будет! Куда там твоим джинсам.

– Пстой! Пстой! – я беру в руки куртку. Действительно, материал отдалено напоминает джинсу. Ведь и сами джинсы ни что иное, как спецовка американских рабочих и ковбоев.

А что если на этой спецовке и потренироваться?

– Па, а у тебя есть ещё куртка и штаны?

– Есть, – папа удивлённо смотрит на меня, – Зачем тебе?

– Хочу попробовать варенку сделать, – честно признаюсь я, – Дашь? А я тебе потом верну. На шахте ни у кого не будет такой спецовки!

– Ну, бери эту, – папа усмехается, – посмотрим, что у тебя получится.

– Спасибо, па!

Я бегу к Димке, ведь только он знает, как надо правильно делать варенку.

Димка слушает меня без особого энтузиазма, но соглашается на эксперимент.

– Лучше бы, конечно, твои джинсы сварить, – ворчит он.

Варку решаем проводить у Димки завтра, пока его родители на работе.

Школу, соответственно решаем прогулять.

Утром делаю вид, что иду в школу, выхожу из дома и направляюсь к другу.

Штаны и куртку принес ещё вчера.

Димка открывает дверь и жестом приглашает идти за ним на кухню.

На плите огромная кастрюля, в такой мой дедушка варит кашу пороссятам.

Вода в кастрюле бурлит сотней водоворотов. Душно.

– Надо робу подготовить! – поучает Димка.

Вяжем узлами рукава и штанины. Там, где не получается завязать узел, скручиваем материю и перевязываем толстыми нитками. Дедушка такими прошивает обувь.

Высыпаем в кастрюлю три пакета хлорки, от испарений становится трудно дышать.

– Мало, наверно, – Димка чешет затылок и морщит нос. Идёт в ванную и приносит какой-то флакон.

– Это «Белизна» – жидкая хлорка, – поясняет он и выливает весь флакон в кастрюлю, – Валёк сказал, что хлорки жалеть не надо.

Меня терзают смутные сомнения в правильности наших действий, и я очень рад, что в эксперименте не участвуют мои джинсы.

Димка продолжает колдовать над кастрюлей: льет туда уксус из бутылки, потом сыплет соль.

– Зачем соль? – спрашиваю я и, высунув голову в форточку делаю несколько глотков свежего туманного воздуха.

– Точно не знаю, – отвечает мой друг, перемешивая воду в кастрюле большими деревянными щипцами, – Думаю, что не помешает.

Мы опускаем одежду в кипящую воду, умудряемся при этом ошпарить себе руки. Ругаемся по-взрослому – матом. Выходим на балкон – отдышаться. Снова идёт мелкий противный дождь.

– Надо всё время перемешивать, – Димка ныряет в хлористый туман, полностью заполнивший кухню.

Делаю последний большой глоток воздуха, закрываю глаза и отчаянно слеую за другом.

Врезаюсь ему в спину, он в это время ковыряется щипцами в кастрюле.

Нецензурная брань даёт понять, что он снова ошпарился.

– Извини, – говорю я, и тут же меня начинает душить жуткий кашель. Мне кажется, что мои лёгкие выворачивает наизнанку.

Димка кроет меня матом и почему-то не кашляет.

Оба выбегаем на балкон.

– А сколько ещё варить? – спрашиваю моего всезнающего друга, перестав кашляет.

– Валёк говорил не меньше четырех часов, – Димка дует на покрасневшие пальцы правой руки.

Я смотрю на часы, мы варим от силы минут двадцать. Блин! В таком темпе через пару часов мы станем полными инвалидами.

– Давай не будем так часто перемешивать? – прошу я своего технического руководителя.

– Давай! – с азартом соглашается он и снова дует на пальцы.

Мы плотно закрываем дверь в кухню, идем в Димкину комнату. Валяемся на диване и слушаем музыку.

Через час наше терпение заканчивается.

– Может хватит? – робко спрашиваю я великого изготовителя варенок.

– Наверно, хватит, – соглашается мой друг, – Запарился ждать уже, пойдем посмотрим.

Из-под кухонной двери ползут струйки пара и запах, от которого сразу хочется выпрыгнуть в окно.

Набираем полные легкие воздуха и, ворвавшись в кухню быстро снимаем кастрюлю с плиты. Тасим ее в ванную. Снова обжигаем пальцы о горячие ручки. Хотя вскоре замечаю, что обжигаю пальцы только я. Хитрый Димка обмотал ручку вафельным полотенцем.

Переворачиваем кастрюлю и выливаем воду в ванну, следом шлепается варенка, обдав нас фонтаном горячих брызг.

Снова кашляю от запаха хлорки, Димка не кашляет, только ругается. И опять нецензурно.

Открываем холодную воду, чтобы быстрее остудить продукт нашего эксперимента. Но ткань остывает очень долго. Снова, обжигая пальцы развязываем узлы и рассматриваем, что же у нас вышло.

– Очень симпатично! – смеется Димка, – Будет твой отец на шахте самый модный!

Я радуюсь, что не позволил сварить свои джинсы.

Штаны стали серо-буро-покарябанного цвета, с грязными белыми разводами на коленях и на поясе. Куртка приобрела такую же неповторимую окраску. На всю спину растеклось большое пятно, своими очертаниями напоминающее Советский Союз, как его изображают на контурных картах мира. Рукава выглядят так, словно по ним водили белильной щеткой, измазанной в побелке.

– Не думаю, что папа захочет в этом ходить, – говорю я, разглаживая остывающую ткань. Димка открывает все окна, чтобы к приходу родителей выветрился запах хлорки.

Папа долго рассматривает штаны, потом так же долго куртку.

– А что, нормально вышло, – наконец говорит он, – Завтра на работу одену. Все равно в шахте через полчаса все черным станет.

Вечером приходит Димка. Под мышкой он держит какой-то сверток.

– Тебя что родители из дома выгнали? – шучу я, кивая на сверток.

– Не, выгнать не выгнали, – морщит нос мой друг, – но весь мозг вынесли за тот бардак, что мы оставили.

– Мы же вроде бы все убрали! – сомневаясь в своих словах, говорю я.

– Я тоже так думал! – смеется Димка, – Да ладно, покричат и перестанут. Я сказал, что к тебе с ночевкой. Пустишь?

– Пущу, конечно! – с кислой миной отвечаю я, в предвкушении очередной ночевки на полу.

– Меня Валёк научил, как шмотки красить можно! – глаза у моего друга загораются, как два маленьких фонарика, – Я уже и краситель анилиновый купил. Две таблетки. Давай завтра, когда твои на работу уйдут, мои техасы покрасим? Валёк сказал, что от «левайсов» не отличишь! У тебя же есть большая кастрюля?

За окном дождливая осенняя ночь медленно, с садистским наслаждением душит ленивый ноябрьский вечер. В динамике старенькой радиолы «Урал» похрюкивает «Модерн Токинг».

Димка храпит на моей уютной кровати.

Я ворочаюсь на неудобном ложе из подушек от софы и думаю, как бы отмазаться от покраски старых Димкиных штанов на моей кухне, в моей кастрюле...

Герой асфальта...

1

– Слышал? – Димка растянулся на моей кровати, словно на своей собственной, – «Ария» пласт выпустила? «Герой асфальта» называется.

– Что пласт выпустила, слышал, точнее в «Комсомолке» читал, – я, отодвинув его ноги, присел на краешек кровати, – А вот удастся когданибудь его послушать, это вопрос. В наш город такие пластинки не доходят.

– Ну, не скажи, – Димка с хрустом потянулся и так сладко зевнул, что мне самому захотелось спать, – Вон «Черный кофе» год назад дефицитом был, а сейчас пласты валяются в магазине, никому на фиг не нужны. Все уже накопились.

– У «Кофе» новый пласт уже вышел, – я никак не мог справиться с зевотой, – в «Молодежном канале» Гробовников две песни включал. «Вольному Воля» и «Брожу по городу один». Одна на «Европу» похожа, другая на – «Бон Джови». Я даже записать успел, правда первая не с начала. Сейчас включу.

Я нажал клавишу воспроизведения на магнитофоне, и мой многострадальный «Маяк» со скрипом и свистом изрыгнул из своего динамика нечто похожее на музыку.

Димка наигранно сморщил нос и заткнул уши.

– Не надо! – резко сказал он, – Выключи, все равно ничего не поймешь. Когда ты себе нормальную аппаратуру заведешь?

Недавно Димкины родители купили ему новый магнитофон – кассетную «Ноту» и две колонки по пятнадцать ватт. Димка ранее слушавший музыку на скрипучей «Электронике» вдруг превратился в ценителя чистого звука. Он не упускал случая козырнуть новым магнитофоном, особенно перед теми, у кого аппаратура давно просилась на помойку. Как у меня, например.

– Папа обещал купить к дню рождения, – словно извиняясь, пробормотал я, – Дорого стоит, да и найти пока не можем то что надо.

– Ну-ну! – Димка ухмыльнулся, – Пока купят, ты все пласты убьешь своей моновской вертушкой. Хотя бы «Модернов» не крути пока...

Летом мама привезла мне из Болгарии две пластинки группы «Модерн Токинг», таких не было ни у кого в школе.

– Вот поедem на каникулах в Ленинград, – я мечтательно закрыл глаза, – может там получится купить пластинки «Арии» и «Черный кофе» новый!

– Я не буду пласты покупать, – отрезал мой друг, – я хочу кассет чистых купить, японских.

– Я буду покупать, если попадутся, – сказал я, – может еще повезет Цоя встретить!

– Нужен он тебе, – улыбнулся Димка, – Цой, как Цой. Встретишь, а дальше что?

– Ну, не знаю, – замялся я, – просто подойду, спасибо скажу за музыку, руку пожму. У меня вон в фотике пленка новая заряжена. Сфоткаю его, попрошу, пусть кто-нибудь нас вместе сфоткает. Это же Цой!

Димка фыркнул.

2

Питер встретил нас сырой погодой: серое низкое небо затянуто мрачными тучами, ветер гонит неудобные свинцовые невские волны. Всё это создавало ощущение какой-то обречённости.

– Не хотел бы я тут жить, – пробормотал Димка, кутаясь в пушистый разноцветный шарф, – сыро, холодно, брр!

Я молча смотрел по сторонам, цепко всматриваясь в лица и фигуры прохожих.

– Всё Цоя ищешь? – Димка усмехнулся, – Ну-ну...

Полдня автобус катал нас по историческим местам города-героя Ленинграда: Дворцовая площадь, Эрмитаж и знаменитые атланты, Марсово поле, Смольный, Аврора, Медный всадник. Всё это проплывало мимо меня, как во сне, и совершенно не интересовало.

Несколько раз мне чудилось, что я вижу высокого худого парня с азиатским лицом, одетого во все черное, и этот парень нес на плече черный чехол с гитарой.

Потом экскурсии закончились, и нам дали несколько часов на разграбление города.

Все разбежались по своим делам, Димка умотал на поиски чистых кассет, а я с несколькими ребятами пошел по магазинам грампластинок.

Три или четыре магазина не оправдали надежд, Цой тоже не хотел встречаться на моем пути. Хорошее настроение испарялось с каждым шагом.

Прямо перед нами возник большой магазин с вывеской «Мелодия». Это был последний шанс.

Я с трудом протолкался к прилавку.

– «Ария» есть?

– Классика на втором этаже, – сухо ответила пожилая продавщица.

– Нет, вы не поняли, – принялся я объяснять дремучей тетке, – Это рок-группа такая – «Ария» называется. У них пластинка недавно вышла. Я ее ищу.

– Нет у нас такой пластинки, – равнодушно ответила продавщица.

Я стоял посреди магазина и не знал, что мне делать.

– Парень, – кто-то дернул меня за рукав, – Ты «Арию» ищешь?

– Я!

Передо мной стоял странный тип неопределенного возраста, весь какой-то неопрятный и липкий. В его руках была большая хозяйственная сумка.

– Пошли на улицу, поговорим, – полушепотом сказал тип и зашагал к выходу.

Я потащился следом.

– Есть то, что ты ищешь, – сказал он, когда мы вышли из магазина.

– Что есть?

– Ты что, тупой? «Ария» есть! Надо?

– Надо!

– Так бери!

– Беру! Сколько?

– Четвертак!

– Сколько? Сколько?

– Двадцать пять рублей, чего не понятно?

Я застыл с открытым ртом. Конечно же было ясно, что за пластинку которую не найти в магазине, придется заплатить дороже, но не столько же!

Это же четвертая часть зарплаты моей мамы! И, наверно половина бабушкиной пенсии.

– А чего так дорого? – промямлил я, – Ведь в магазине пластинки два с половиной рубля стоят.

– Ха! – хохотнул тип, – Ты откуда такой взялся? Иди и покупай «Арию» в магазине, за два с полтиной!

Тип повернулся ко мне спиной, собираясь уйти.

– А можно на пластинку посмотреть? – спросил я, боясь, что тип сейчас уйдет и навсегда унесет эту бесценную для меня пластинку.

– Ты что в музее? – скривился он, – Покупай и смотри, сколько влезет. Будешь брать?

– Я – буду!

Рядом с нами стоял мой друг Санек, меломан еще тот. Разбуди его среди ночи и задай любой вопрос из области рок-музыки, особенно западной, получишь правильный ответ в течении двух секунд.

– Я буду брать! – Санек протянул липкому типу сиреневую купюру и получил в руки пакет с вожделенной пластинкой.

– Я тоже буду брать! – крикнул я, – и мне тоже давайте, вот деньги.

Я принялся совать в руки типу две десятки и пятерку.

– Убери свои бабки! – тип отмахнулся от меня, словно от назойливой мухи, – Нет больше пластинок, одна была, последняя. Приходи в понедельник, может, еще будут! Ха-ха!

– Ну, пожалуйста! – канючил я, – мне очень надо!

– Ну нет у меня «Арии», нет! – тип посмотрел на меня и внезапно сжалился, – Вон видишь мужик прогуливается на той стороне улицы, пойдя спроси, у него вроде что-то было.

– Спасибо! – я, размахивая рукой, в которой были зажаты деньги, кинулся через дорогу, рискуя быть сбитым проезжающими автомобилями.

– Дайте! Мне! «Арию»! – задыхаясь крикнул я высокому бородатому дядьке с большой спортивной сумкой на плече, – Вот деньги!

– Тише, чего орешь? – испуганно зашипел дядька и принялся озираться по сторонам, – Чего тебе надо?

– У вас есть «Ария»?

– Есть

– Я беру! Давайте! Двадцать пять рублей?

– Да нет, дружище, двадцать пять у Виталика было, а у меня тридцать! И то последняя осталась. Следующая партия уже по тридцать пять будет. Берешь?

– Как тридцать? – я чуть не заплакал, ведь за этот пласт мне приходилось отдать почти все деньги которые у меня были.

– Вот так, дружище, вот так! Будешь брать?

– Буду...

Я добавил еще пятерку и отдал мятые деньги бородатому дядьке.

Тот сунул их в карман, усмехнулся и протянул мне пластинку, завернутую в газету.

– Держи!

Я хотел рассмотреть конверт такой дорогой во всех отношениях пластинки, поэтому принялся разворачивать газету.

– Прекрати и спрячь сейчас же! – шикнул бородатый, – Тут ментов, переодетых полно! Хочешь, чтобы тебя арестовали?

– За что?

– Потом узнаешь! Спрячь!

Я снова завернул пластинку в газету и сунул сверток в пакет. Друзья поджидали меня у дверей магазина.

Пришло время выдвигаться к месту сбора.

По дороге Санек заглянул в неприметный подвальчик, в котором расположилась приличная студия звукозаписи, и накупил там кассет с записями последних альбомов западных групп.

– У нас в городе такое через год только появится! – радовался он, – А тут! Вот повезло! Да еще и «Арию» отхватил! Недорого!

Я на оставшиеся деньги купил пластинку Саши Барыкина «Букет» и две пачки сигарет «Ленинград» в подарок папе.

Когда мы стояли у Московского вокзала и курили, к нам подошла женщина средних лет, одетая в джинсовую курточку на меху. Она попросила прикурить. Ее лицо показалось мне очень знакомым.

– Где-то я ее видел, – сказал я, когда женщина ушла.

– Ты чего! – воскликнул Димка, – Это же Тамара Максимова!

– Какая Тамара Максимова? – не понял я.

– Какая? Да та, что «Музыкальный ринг» ведет! – Димка хлопнул меня по лбу, – Вот ты, слепондя! Не удивлюсь, если ты и Цоя прозевал!

Я достал из газеты пластинку.

– Ух ты! – Димка выхватил драгоценный пласт из моих рук, – Я же говорил, что в Питере в магазинах все есть!

– Ага, в магазинах, – я осторожно вытащил пластинку из не очень чистых пальцев друга, – я за нее тридцатку отвалил. Родители узнают – убьют!

– Ни фиги себе! – присвистнул Димка, – Я бы никогда такие деньги бы за винил не заплатил! Я кассет набрал, правда советских, но ничего, и они сойдут пока.

Через час мы погрузились в плацкартный вагон поезда «Ленинград – Ростов» и под мерный стук колес принялись рассматривать свои покупки.

Я вертел в руках конверт, читая все, что там было написано, и рассматривая фотографии музыкантов.

Выяснилось, что я до сих пор, не знал их имен. В газете писали, что гитариста зовут Владимир, а на пластинке было написано Валерий Холстинин, то же самое с барабанщиком: я считал, что его зовут Максим, но на пластинке утверждали, что это Михаил Удалов. (Справедливости ради надо отметить, что настоящие имена музыкантов Владимир и Максим. При оформлении конверта были написаны неправильные имена)

Вот так, если бы не пластинка, я бы так и продолжал заблуждаться в этом вопросе.

Правда, оказалось, что здесь записано на одну песню меньше: я не досчитался «Дай руку мне». Это немного огорчило меня, но еще больше огорчил Димка пришедший из соседнего купе.

– Дела! – возбужденно сказал он, – Гоша у цыганки рубашку купил модную, двадцать рябчиков отвалил, сейчас достал ее, хотел примерить, а в пакете наволочка лежит и дырки для рук прорезаны. Прикинь!

Я молча вздохнул и покачал головой.

– Да, – вдруг ухмыльнулся мой друг, – не хотел тебе говорить, чтобы не расстраивать, но видишь какие дела...

– Что еще?

– Да ничего, просто я читал, что на черном рынке часто пластинки подделывают.

– Как это?

– А так, берут пластинку Кобзона за полтора рубля, переклеивают бумажки с фирменного пласта, и все. Впаривают лоху, типа тебя, за бешенные деньги. Но ты не волнуйся, может тебе повезло, настоящий пласт продали. Ладно, пойду к девчатам в карты играть. Ты идешь?

– Нет, – теперь мое настроение было безвозвратно испорчено. Когда Димка ушел, я вытащил пластинку и при тусклом свете потолочного светильника принялся ее разглядывать, пытаясь найти следы клея или еще чего-нибудь. Но ничего не смог обнаружить, пластинка была идеально чистой. Однако поселившийся внутри меня червь сомнений точил меня всю дорогу,

лишив покоя и сна. Уже подъезжая к городу, я немного успокоился, решив, что в любом случае у меня будет конверт от пластинки. А уж за сколько я его купил, это мое личное дело.

Домой мы приехали поздно вечером, почти ночью, но родители не спали.

После всех обниманий и поцелуев папа повел меня в мою комнату и щелкнул выключателем.

Я ахнул, на тумбочке стоял новенький проигрыватель «Вега 109», и такой же новенький кассетный магнитофон «Радиотехника».

У меня не было слов. Я бросился снова обнимать и целовать родителей.

– Это тебе ко дню рождения, сынок! – сказал папа – К шестнадцатилетию!

– Но ведь день рождения только через месяц! – удивился я.

– Если хочешь, давай уберем в шкаф, и подарим через месяц, – предложила мама, но увидев испуг в моих глазах, улыбнулась, – Шучу! Шучу!

Надо ли говорить о том, что в эту ночь я так и не уснул. С дрожью в руках я поставил на проигрыватель пластинку, доставившую мне столько волнений. И даже когда слышались звуки вступления к первой песне, я все еще сомневался. И когда отыграла первая сторона пластинки, я все еще сомневался. Только когда отзвучали последние аккорды «Баллады о древнерусском воине», только тогда я поверил в то, что пластинка настоящая. После этого я включил ее заново, надел наушники и прослушал еще раз, теперь наслаждаясь самой музыкой. Потом еще раз, еще раз и еще раз. Следом пришла очередь болгарских «Модернов», потом еще раз «Ария».

Потом наступило утро...

Хорошо!

Вот только жаль, что Цоя не встретил...

Гуковский козёл или Как забурить урок химии...

В школе стало модно играть в «козла». Это такая карточная игра. Причем все играют в настоящего «козла» – по восемь карт.

В народе эту игру называют – «Шахтерский козёл» или даже «Гуковский козёл».

Мы сидим в школьном дворе на скамейке и смотрим на разгуливающих по двору десятиклассниц. Они очень серьезные, ведут между собой неторопливые беседы и не обращают на нас никакого внимания.

Мы для них – малолетки.

Скупое апрельское солнце наконец расщедрилось, и сегодня впервые по-настоящему тепло.

До конца девятого класса осталось чуть больше месяца, потом условные экзамены, потом две недели военных сборов, потом – колхоз. А потом – целых два месяца честных каникул! Последних школьных каникул в нашей жизни.

Но это все потом, а сейчас вот-вот закончится большая перемена и начнется никому не понятная, никому не нужная, а оттого и не очень любимая, химия.

– Давайте химию забурим? – предлагает Леха, – Лучше в козла поиграем!

– А куда играть пойдем? – спрашивает Димка. Он единственный разбирается в химии, но идти на урок явно не собирается.

– Может на «поляну» пойдем? – говорю я, – Там скамейки и столик.

– Чтобы нас твоя бабуля спалила? – фыркает Саня, – А потом моей настучала, что я школу прогуливаю и курю!

– А ты не кури! – усмехаюсь я.

– Сам не кури! – огрызается Саня.

Мы смеемся. В начале девятого класса почти все пацаны в классе начали курить. Хотелось выглядеть повзрослее. И почти все бросили. Не понравилось. А Саня не бросил. Он втянулся и уже курит, как взрослый. И Леха не бросил. В нашей компании курят только они.

Моя бабушка живёт рядом с «поляной» (так называется детская площадка) и часто ходит мимо. Когда идет в магазин или, когда просто гуляет. Поэтому действительно есть риск, что она может заинтересоваться, почему ее любимый внук, вместо того чтобы грызть гранит науки, играет в карты в компании таких же обалдуев, которые мало того, что прогуливают уроки, так ещё и курят.

– Не, на «поляну» не пойдем! – заявляет Леха, – Вон, у Антохи мамка на работе, пошли к нему!

Антон на несколько секунд задумывается.

– Если в холодильник не полезете, как в прошлый раз, то пошли! – соглашается он после трех секунд раздумий, – И чур, на балконе не курить!

– Ты чего, Антоха? – смеётся Леха и подмигивает Сане, – Нужен нам твой холодильник, мы вон по три коржика слопали! Теперь до вечера есть не захочется!

– Курить не будем! – заверяет Саня и подмигивает Лёхе.

Они смеются.

Антон качает головой, но задний ход давать поздно.

Желающих забурить химию набирается шесть человек: Леха, Саня, Димка, Витёк, Антоха и я. Как раз три пары. Это хорошо, играть на вылет интересней.

Звенит звонок на урок. У нас есть отработанная схема бурения химии: учительница Анна Федоровна не впускает в класс никого, кто приходит после неё.

Мы стоим за углом и наблюдаем, как от учительской, слегка прихрамывая Анна Федоровна идёт через весь коридор к двери нашего класса. В одной руке – черная сумочка, в дру-

гой – классный журнал. Она идёт не торопясь, погруженная в свои мысли. Возле двери останавливается и оглядывается по сторонам.

Леха едва успевает спрятать свою кучерявую голову.

Анна Федоровна входит в класс, прикрывает за собой дверь.

Наш выход! Мы делаем вид, что очень спешим, и, запыхавшиеся, врываемся следом, забыв постучать в дверь.

– Можно, Анна Федоровна! – переводя дыхание спрашивает Леха. У него даже пот на лбу выступил. Вот артист!

– У меня часы остановились! – Димка стучит пальцем по стеклу своих электронных часов.

– Вон отсюда! – спокойно говорит Анна Федоровна.

– Ну, пожалуйста, Анна Федоровна! – канючит Саня, – Пустите нас! Мы больше не будем опаздывать!

– Вышли! Все! Вон! – не повышая голоса повторяет учительница.

Мы едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, выходим из класса. Дверь остаётся приоткрытой, Анна Федоровна с грохотом ее закрывает.

Беззвучно смеемся и быстро покидаем здание школы, чтобы случайно не нарваться на директора.

– Вы покурите по дороге, – просит Антон наших курильщиков, – чтобы не хотелось потом.

– Точно! – подхватывает Саня. Они с Лехой прячутся за огромный тополь и курят.

Антон живёт рядом со школой, только дорогу перейти.

– Не шумите на лестнице, – предупреждает он нас, когда мы входим в подъезд, – соседи услышат, мамке расскажут.

Дверь на первом этаже со скрипом открывается, на лестничную площадку выходит небритый мужик в грязной белой майке и обвисших на коленях трикошках.

– Привет, Антоха! – басит мужик, – а ты чего не в школе? Каникулы уже?

– Здравствуйте, дядя Слава! – заискивающе улыбаясь отвечает Антон, – Нет, до каникул ещё далеко! Просто я учебник дома забыл, вот на перемене прибежал!

Дядя Слава оглядывает нашу компанию мутными глазами.

– Ну-ну, – говорит он.

Мы поднимаемся на второй этаж.

– Теперь точно матери расскажет! – бубнит Антон, доставая ключи от квартиры.

– Алкаш какой-то, – говорит Димка.

– Не, ты что! – Антон делает круглые глаза, – Он с зимы не пьет! А раньше пил. Всем тошно было. А сейчас завязал. Только квас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.